

Вероятна ли мировая рецессия-2012?

Нижеследующая статья перепечатывается с согласия автора по тексту, опубликованному в журнале «Экономист» (2012, № 1). В статье затрагиваются актуальные вопросы, касающиеся угроз функционированию экономики России в 2012 году и путей их преодоления.

**Сергей Семёнович
ГУБАНОВ**

доктор экономических наук, профессор
главный редактор журнала «Экономист»

Пророчества и пророки рецессии-2012. Начиная с августа 2011 г. появились и стали нарастать мрачные прогнозы, предвещающие в 2012 г. наступление то второй волны кризиса, то рецессии мировой экономики. В последующие месяцы панические пророчества только учащались. К концу года они слились фактически в один сплошной поток.

По состоянию на декабрь 2011 г. заявлениями о неизбежности рецессии в 2012 году разразилось весьма внушительное сонмище солидных организаций, институтов и ученых. В их списке значатся МВФ и Всемирный банк, ФРС США, нобелевские лауреаты по экономике. С ними солидаризовался часто восхваляемый ныне профессор Нью-Йоркского университета Н. Рубини, который, как считается, успешно предсказал кризис 2008 — 2009 гг. и заслужил лавры циклического прорицателя.

Приведем наиболее типичные примеры. В сентябре 2011 г. одним из первых громкий сигнал тревоги поднял МВФ: «Прогнозы — за слабое восстановление экономики развитых стран и циклическое замедление в развивающихся»¹; «Риски снижения увеличились и серьезны»². Согласно спрогнозированному МВФ сценарию спада, США могут потерять в 2012 г. около 2,5% ВВП³.

В ноябре появилось тревожное предостережение, выпущенное банком Федеральной резервной системы США в Сан-Франциско: по прогнозным расчетам вероятность экономической рецессии в США превысила 50%, и она произойдет, мол, уже в первой половине 2012 г.⁴

Как пояснили аналитики американской ФРС, они апеллируют к результатам статистического моделирования опережающего экономического индекса, смоделированная динамика которого по состоянию на

2010 г. предвестила рецессию в течение следующих 24 мес. Поскольку 16 мес. из 24 уже позади, вероятность спада возросла с 33 до более чем 50% — такова здесь логика. Под нее подгоняется интерпретация индикаторов текущего макроэкономического состояния США в 2011 г.

В декабре свои оценки озвучил Н. Рубини, и они тоже оказались упадочными: «Перспективы развития мировой экономики в 2012 году ясны: ничего хорошего ждать не приходится. Рецессия в Европе, в лучшем случае едва заметный рост в США и резкое его падение в Китае»⁵; «Наступление рецессии в зоне евро, исходя из нынешней ситуации, сомнению не подлежит»⁶.

Беспросветные умонастроения разделил также Дж. Стиглиц: «Самое положительное, что можно сказать о 2011 годе: возможно, он был лучше, чем будет 2012 год... Я надеюсь, что грядущие события опровергнут мои рассуждения и пессимизм мой окажется чрезмерным. Но боюсь, что в действительности все может оказаться даже хуже»⁷.

Апогеем всемирных опасений стало 23 декабря 2011 г., когда к множеству прогнозов скорой рецессии примкнули эксперты ООН: выпущенный ими доклад о состоянии мировой экономики и перспективах на 2012 г. густо испещрен терминами «рецессия», «экономический спад» и т.п.

Цитируем: «Мировая экономика качается на краю еще одной рецессии... И даже этот мрачный взгляд может быть слишком оптимистичным. Серьезный, новый экономический спад маячит теперь из-за стойкой слабости главных развитых стран вследствие нерешенных проблем Великой депрессии 2008 — 2009»⁸; «Риски двойной рецессии возросли»⁹; «США вполне могут впасть в повторную рецессию»¹⁰. По экспертному сценарию экономического спада, в 2012 г. потери США составят 0,8% ВВП, России — 3,6%¹¹.

Подобного рода оценки и пророчества можно легко умножить. Но, думается, довольно и приведенных. Картина ясна: если принять на веру упомянутые прогнозы, то близкая рецессия угрожает прежде всего ведущим индустриально развитым странам — США, ЕС и Китаю, а после них перекинется на слаборазвитые. Мир отделяют от грозной депрессии якобы лишь считанные месяцы, поскольку она нанесет свой удар по мировому хозяйству уже в первом полугодии 2012 г. — таково едва ли не общее мнение.

Безосновательность упадочных пророчеств. Как видим, пессимистичные для мировой экономики пророчества исходят от весьма авторитетных в мире ученых и организаций. Естественно, не может быть и речи о том, чтобы ставить под сомнение их авторитет. Однако, как известно, авторитет есть категория субъективная, а потому не является научным аргументом: на весы истины авторитет не положить.

В нашем распоряжении имеется инструментальная возможность проверки того, насколько обосновано заключение о будто бы грозящей в 2012 г. экономической рецессии в США и других развитых странах. Такую возможность предоставляет модель циклических кризисов капитализма, разработанная нами исходя из классических законов функционирования капиталистического способа производства.

Поскольку на первом плане в пророчествах и прогнозах гипотетической рецессии-2012 фигурирует экономика США, мы взяли необходимую американскую статистику, сгруппировали данные таким образом, как того требует наша модель, и осуществили прогонку. Расчетный результат оказался диаметрально противоположным мрачному: вместо спада он однозначно указывает на рост.

Иными словами, в отношении американской экономики стрелка научного циклического барометра уверенно показывает подъем в 2012 г., а не спад. По остальным странам ОЭСР, включая ведущие, расчеты не выполнялись. Вследствие значительной трудоемкости сбора и подготовки статистических данных пришлось ограничиться только экономикой США. Тем не менее ее выпадение из сценария рецессии-2012 оценивается весь этот сценарий.

Вопреки хору мрачных пророчеств, наш вывод иной и сводится к следующему: в 2012 г. в передовых странах ОЭСР не будет ни второй волны кризиса, ни рецессии. Напротив, в США в ближайших кварталах последует расширение экономики, причем куда более высокими темпами, чем было до недавних пор.

Что касается наступления кризиса, то он будет очередным циклическим, не имеющим никакого отношения ко второй волне прошедшего. В развитых державах мира объективно предстоящий кризис вероятен не ранее второй половины 2013 г. Сразу заметим, что сформулированный вывод не относится к России — по причинам, о которых далее мы скажем особо.

Таким образом, сигнал циклической тревоги включен для мирового хозяйства преждевременно и без должных на то оснований. Обратимся теперь к главным доводам и аргументам, какими обоснован сделанный вывод.

О новой модели кризисов. Здесь не место вдаваться в принципиальные вопросы теории капиталистических кризисов, разбирать противостояние классики и «неоклассики», возможности воспроизводственного подхода и его математическую формализацию. Кто интересуется теорией циклов воспроизводства совокупного капитала, тот может найти полезной публикацию, в которой соответствующая проблематика стала предметом более обстоятельного анализа¹².

Для целей настоящего изложения, чтобы не уходить далеко от его сути, довольно кратко укажем на специфику применяемой нами модели.

Во-первых, она разработана в полном соответствии с принципами и законами, базисными для классической трудовой парадигмы.

Во-вторых, целиком проводит логику воспроизводственного подхода, тоже классического. Заметим, классика воспроизводства отвергает как производство ради производства, так и перевозносимый «неоклассикой» обмен ради обмена.

В-третьих, и в том вся специфика используемой нами модели кризисов, она базируется на критериях и показателях общественного разделения труда, благодаря чему совершенно не зависит от каких-либо стоимостных агрегатов и показателей. На нее не влияют ВВП, цены, инфляция, дефляторы, заработная плата и прибыль, валютные и биржевые курсы, экспорт и импорт, накопление, кредиты, долги и т.д., между тем как сама она весьма точно отражает агрегированную макроэкономическую динамику, циклическую при капитализме по определению.

В-четвертых, модель проверена на относительно длинных статистических рядах США и Великобритании, ведущих отсчет с 1910-х гг. Исчисленные точки кризисного перелома всякий раз совпадали с теми, какие зафиксированы официально, в частности американским Национальным бюро экономических исследований, ответственным за определение начала и конца циклических кризисов в США.

В-пятых, с помощью модели уже были идентифицированы начальная точка спада американской экономики в недавно прошедшем кризисном цикле — декабрь 2007 г., а также точка перехода от депрессии к оживлению — II кв. 2009 г. Обе точки Национальное бюро экономических

исследований подтвердило впоследствии с традиционной задержкой почти на 1,5 – 2 года.

Экономика США на подъеме. Таким образом, у нас есть уверенность в адекватности используемой модели, равно как в полученном результате, который показывает сейчас для США лишь одну переломную точку, а именно в феврале 2011 г. – от оживления к подъему. Другой еще не видно. Поэтому до точки поворота от подъема к спаду американская экономика не подошла и в 2012 г. не подойдет. Вероятность ее рецессии в ближайшие 12 мес. равна нулю.

Бесспорно, выход из последнего кризиса затянулся. Депрессия продлилась дольше обычного для послевоенного времени. Лишь с февраля 2011 г. экономика США перешла от вялого оживления к подъему, притом чрезвычайно медленному. Как увидим, на то были свои причины.

Тем не менее реальный темп роста ВВП США по итогам 2011 г. представляется более динамичным, чем демонстрируют его текущие оценки. На наш взгляд, последующие статистические корректировки, уточнения и переоценки – примерно через полгода – будут в сторону его увеличения.

Как бы то ни было, впереди у США самое меньшее 15 месяцев роста ВВП, или 5 бескризисных кварталов. Заглянуть дальше полуторалетнего горизонта мы пока не можем, поскольку для того нет данных. Но и такого горизонта более чем достаточно, чтобы удовлетвориться им.

При более пристальном анализе традиционных макроэкономических индикаторов экономика США тоже выглядит гораздо лучше, чем принято полагать. Растут прибыли корпораций. Объем ВВП США превысил докризисный показатель, причем в IV кв. 2011 г. прибавляет около 3%. Увеличивается предложение рабочих мест, и такая тенденция распространяется на всю первую половину 2012 г.

Признаки оживления подает жилищное строительство. Уровень конечного потребления на 4,5% выше докризисного. Расширяется объем сбережений и кредитования. Издержки обслуживания задолженности домохозяйств мало-помалу сокращаются – с 14 на пике до 11%.

Таким образом, динамика расширения американской экономики не снижается, а нарастает, причем даже в стоимостном измерении.

Чем объяснима вялость оживления? Согласно классике политэкономии, в периоды капиталистических кризисов в действие включается особая антикризисная функция, имманентная цене производства. Напомним классическую формулу цены производства:

$$P = \kappa + K \times r,$$

где P – цена производства,

κ – издержки,

K – величина авансированного капитала,

r – общехозяйственная, или средняя, норма прибыли.

При кризисе последняя стремится к нулю ($r \rightarrow 0$), вследствие чего цена производства приближается к издержкам ($P \rightarrow \kappa$). В таком случае прежде всего предельно падает рентабельность кругооборота фиктивного капитала: если $r \rightarrow 0$, то и $K \times r \rightarrow 0$.

Тем самым антикризисная функция цены производства отсекает спекулятивный капитал от промышленного, который регулярно избавляется от наросшего паразитического балласта посредством биржевых крахов.

Стало быть, в фазе кризиса бестоварный, фиктивный и монетарный капитал перестает приносить прибыль и прирастать в стоимости. Чтобы появилась прибыль, денежный капитал должен превратиться вначале в производительный, воплощенный в средствах производства и рабочей

силе, а затем в товарный, представленный массой готовых товаров. Причем, что важно, новый производительный капитал должен обладать техническим строением, более высоким по сравнению со средним, ибо уровень издержек функционально зависит от величины органического строения капитала в производстве.

Короче говоря, в фазе кризиса механизм цены производства первым делом отсекает спекулятивные сферы приложения капитала и оставляет производительные. Наряду с тем механизм цены производства включает в действие еще один могучий фактор развития, ибо пресекает извлечение прибыли путем увеличения цен. Дугая, инфляционная прибыль сходит на нет. Главным источником прибыли становятся рост производительности, расширение товарного выпуска, экономия труда и, соответственно, издержек.

Минимальные уровни процентных ставок, поддерживаемые в настоящее время в развитых странах ($r \rightarrow 0$), свидетельствуют о том, что антикризисный механизм цены воспроизводства действительно включился и работает. В то же время он явно испытывает давление неких противодействующих факторов, из-за чего спекулятивный балласт сброшен лишь частично и продолжает ощутимо ограничивать накопление нового промышленного капитала.

Какие именно факторы тормозят подъем и замедляют расширение воспроизводства? Известны ли они? Известны. Отметим лишь ключевые из них.

Первый фактор — размытость институциональной границы между промышленным и биржевым спекулятивным капиталом.

В США в 1934 г. в рамках «Нового курса» между тем и другим была возведена стена, которая препятствовала превращению промышленного капитала в спекулятивный.

На страже границы стоял механизм Гласса-Стиголла, который не позволял ни компаниям, ни банкам пускать промышленный капитал в спекулятивный биржевой оборот. Но с 1990-х гг. механизм Гласса-Стиголла фактически демонтирован. Банки и корпорации вновь принялись спекулировать и гоняться за сиюминутной биржевой прибылью за счет промышленного капитала, как то было до «Великой депрессии» начала 1930-х гг. и что вызывало, кстати, бурное негодование Дж.М. Кейнса в его «Общей теории».

Сейчас граница между капиталом-функцией и капиталом-собственностью отсутствует даже внутри самих американских ТНК. Их руководство выступает в одном лице и промышленным капиталистом, и биржевым спекулянтом. Менеджеры судорожно мечутся в поисках, куда прибыльнее поместить денежный капитал — в производство или на биржу. Низкий ссудный процент склоняет поток средств в производство, тогда как высокая прибыльность спекулятивных операций упорно отклоняет их на валютно-фондовые биржи. В том числе — на биржи слаборазвитых стран, где биржевая прибыльность особенно высока благодаря операциям компрадорской распродажи национального богатства.

Второй фактор — загруженность печатного станка ФРС США и беспрестанные впрыскивания бестоварных долларов, по сути — пустых фантиков, в артерии всемирного товарно-денежного обращения. Один пакет эмиссии, скромно именуемый «количественным смягчением», сменяется другим. Эмиссионные доллары мгновенно трансформируются в инфляционные нефтедоллары, раздувая цены на нефть, газ, а следом — на металлы, удобрения и другие ресурсы. Тем самым ФРС США наводняет мир долларовыми фантиками, накачивает спекулятивные пузыри во всем

мировом хозяйстве, искусственно возводит биржевые пирамиды и пузыри, предельно завышая в итоге массу и рентабельность спекулятивного монетарного капитала. Заметим, представители ФРС США даже на сенатских слушаниях всячески отрицают связь между спекулятивным вздуванием цен на нефть и эмиссией долларов, ничем кроме политического диктата США не обеспеченных. Но регрессионные модели показывают обратное, с коэффициентом корреляции от 65 до 75%.

Конечная выгода США состоит в том, что в обмен на бестоварное они получают от остального мира товарное, благодаря чему ежегодно обеспечивают даровую для себя империалистическую ренту, в громадных размерах выжимаемую валютно-монетарными рычагами «империализма доллара».

Третий фактор — инфляционно высокие цены на нефть. Они увеличивают издержки товарного производства, снижают окупаемость технологических капиталовложений, замедляют темпы промышленного оживления и роста.

Четвертый фактор — дерегулирование сферы банковского, финансового и биржевого оборота. Либерализация, или свобода от регулирования, способствует увеличению как скорости возникновения спекулятивных пирамид, так и их размеров. Отсюда рост частоты и амплитуды биржевых крахов в 2000-е гг., а также угнетенность условий и стимулов для расширенного воспроизводства промышленного капитала.

Кратко отмеченные факторы, противодействующие естественной реализации антикризисной функции цены производства, имеют сугубо внеэкономическое происхождение. Все они порождены «империализмом доллара», или долларовой глобализацией. В свою очередь, «империализм доллара» опирается на мощь американской военной машины.

Причем свою военную мощь США также односторонне глобализуют, упрямо добиваясь полного мирового господства — и военно-политического, и экономического, и валютно-монетарного.

Подытоживая, можно констатировать, что крайне медленный темп оживления и подъема после кризиса 2007 — 2009 гг. обусловлен «империализмом доллара», который превратился в первоисточник всех современных дисбалансов мирового хозяйства и спекулятивных биржевых пирамид.

Долговой кризис ЕС. В силу «империализма доллара» нынешнее положение США асимметрично положению ЕС. Когда плохо евро и экономике ЕС, то хорошо доллару и экономике США, и наоборот. После пережитого кризиса американские ТНК добиваются роста прибылей любыми средствами, в том числе за счет всего остального мира — и развитого, и слаборазвитого.

Для глобального «империализма доллара» каких-либо исключений не существовало прежде и не существует теперь. Никакой индальгенции он не дает также странам ЕС, которым и устроил крупномасштабный долговой кризис.

Парадоксально, но факт: должником американского частного капитала оказался ряд европейских государств и правительств. Это тоже прямое следствие дерегулирования и валютно-финансовой либерализации, а не просто децентрализации бюджетно-налогового устройства ЕС.

Конечно, руководство ЕС найдет в конце концов решение проблемы, хотя пока оно далеко от цели, поскольку стремится переложить убытки спекулятивного капитала на основную массу налогоплательщиков. Ответной реакцией является общеевропейский социальный протест, который подвигает к подлинному решению вопроса, связанному с доведением до банкротства не населения, а спекулятивного капитала.

Тем не менее долговой кризис в ЕС, устроенный «империализмом доллара» в геополитических интересах США, не тождествен циклическому. Центральный банк Европы длительно удерживает низкую процентную ставку, стимулируя тем самым антикризисную функцию цены производства и ввод нового промышленного капитала с более высоким техническим строением. Германия и Франция сознательно уклоняются от бестоварной эмиссии евро, отчетливо понимая, насколько пагубна она для европейского индустриального капитала. В общем, за долговой кризис ЕС расплачивается беспрецедентно низкими темпами роста и высокой безработицей, но никак не рецессией и не депрессией.

Угрозы для России. Поскольку господство экспортно-сырьевой модели сохраняется и после валютно-монетарного кризиса 2008 – 2010 гг., рост ВВП России по-прежнему зависит от инфляции нефтедолларов и печатного станка американской ФРС. Развитие российской экономики все еще не зависит от России. И это по своей значимости такой фактор, который перевешивает все остальные.

Сколько было деклараций и призывов к переходу от внешних источников развития к внутренним, к новой, посткризисной экономической модели? Великое множество. На деле же системное положение нашей страны не изменилось ни на йоту, ибо экономическая политика как противоречила, так и продолжает противоречить формуле развития России: неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция.

Прямая, жесткая и жестокая зависимость отечественной экономики от сырьевого экспорта, инфляции нефтедоллара, печатного станка ФРС США отдаёт Россию во власть валютно-монетарных факторов, на которые Правительство РФ не оказывает ни малейшего влияния, не говоря уже о каком-либо контроле над ними.

Давно установлено: экспортно-сырьевой рост ВВП России прямо пропорционален эмиссии и обесценению, или инфляции нефтедоллара. Больше обесценение – выше цена на нефть и долларовой объём ВВП; меньше обесценение – ниже цена на нефть и номинальная величина ВВП.

Таким образом, положение пореформенной российской экономики регулируется американским печатным станком.

Более того, оно усугубляется еще одним, относительно новым фактором. Дело в том, что с 2000 г. рынок нефти стал рынком целиком *манипулируемым*. Цена на нефть перестала следовать за изменением спроса и предложения. Решающее воздействие на ее формирование оказывает эмиссия нефтедолларов и их инфляция.

Если в период 2000 – 2010 гг. внутренний доллар, циркулирующий в обороте на территории США, обесценился на 25 – 30%, то обесценение нефтедоллара оказалось 5-кратным, почти в 20 раз более стремительным. В пересчете на покупательную способность нефтедоллара в 2000 г., текущая величина ВВП России составляет 450 – 500 млрд. долл.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что рынок нефти превратился в спекулятивный. По нашим расчетам, начиная с 2000 г. доля влияния на него спроса и предложения составляет 5%, тогда как весомость влияния спекулятивного капитала достигает 95%. Нефть обращена в предмет биржевых спекуляций. На нефти выстраиваются спекулятивные пирамиды, а они имеют свойство обрушиваться словно карточный домик.

С учетом названных факторов прогнозировать какую-либо конъюнктуру рынка нефти невозможно. Даже планетарная рецессия необязательно влечет за собой падение нефтяных цен, ибо их движение предопределяется эмиссией нефтедолларов.

Со всей определенностью допустимо констатировать лишь одно: для России вследствие функционирования экспортно-сырьевой модели всякое падение цены на нефть равносильно экономической рецессии.

Мы не знаем, каким будет движение нефтяных цен в 2012 г. Известно, что американская ФРС намерена печатать пустые нефтедоллары и вбрасывать их в обращение вплоть до конца I кв. 2012 г. Если так, это означает прямую поддержку спекулятивной пирамиды, в связи с чем можно полагать, что крутые перепады в ценовой конъюнктуре рынка нефти до конца марта 2012 г. маловероятны. Но поручиться, что это действительно так, ни в коем случае нельзя.

Что будет после марта 2012 г., какие решения сочтет выгодными для себя администрация США, это совершенно неведомо. Если Вашингтон решится действовать в интересах промышленного капитала американских ТНК и подстегнуть неоиндустриальный рост, то даст команду приостановить эмиссию нефтедолларов. Тогда цены на нефть и спекулятивная пирамида обрушатся, а темпы роста экономики США увеличатся.

В то же время печатать нефтедоллары исключительно выгодно для США, потому как в обмен на долларовые фантики за океан безостановочно текут даровые ресурсы, выкачиваемые «империализмом доллара» из остального мира: природные, минеральные, технические, потребительские и т.д.

Чистое обогащение США за счет валютно-монетарного фактора доходит ныне до 1 трлн. долл. в год. Причем оно представлено сугубо материальными ценностями, вопреки примитивным и наивным представлениям о «постиндустриальных ценностях», овладевшими-де американскими ТНК. Столь гигантская по своим размерам империалистическая рента, безвозмездно

присваиваемая США, делает нелегким решение о приостановке эмиссии нефтедолларов.

В стратегическом плане США все равно не прекратят печатать и печатать нефтедоллары. Обязательно будут продолжать присвоение реального в обмен на виртуальное, в обмен на нефтедолларовые фантики, чтобы обогащаться ресурсами за счет остального мира. «Империализм доллара» выкачивает свою ренту как безостановочный конвейер, и так будет до тех пор, пока нет нефтяных котировок в другой валюте или пока нефтедобывающие страны не отгородятся прочной внешнеторговой монополией, ликвидировав нефтедолларовые стабилизационные фонды — фонды импорта долларовой инфляции.

Да, природу названных фондов нужно понимать четко. Товарную несбалансированность не прикрыть монетарной. Разрыв между товарным и монетарным — это инфляция. Если товары идут за рубеж, а оттуда вместо эквивалентной товарной массы приходит монетарное, то это означает экспорт товаров в обмен на импорт инфляции.

Обмен товарного на бестоварное всегда к выгоде той страны, которая печатает валюту платежа. Это невыгодно для страны, которая бесплатно расстается со своими товарами, зато выгодно для США, которые отдают монетарную фикцию, а взамен приобретают полноценную товарную массу, поддерживая покупательную способность внутреннего доллара.

От своей стратегии «империализма доллара» США не откажутся ни за что. Иное дело — временная приостановка печатного станка ФРС, лишь на время. В период, например, когда частичная потеря империалистической ренты уравнивается приобретениями в сфере промышленного капитала, политическими уступками ряда стран — экспортеров нефти и т.д.

И потому исключать на 2012 г. возможность внезапного поворота Вашингтона от «слабого» нефтедоллара к «сильному» нельзя. Для России падение цен на нефть обернется новым валютно-монетарным кризисом. Прямые его последствия очевидны: девальвация рубля, отток долларов за рубеж, дефицит бюджета, сжатие совокупного спроса, свертывание инвестиционных и социальных программ, обрушение промышленного производства. В общем, при подобном ходе событий вероятно повторение того, что случилось в 2008 г.

Но, как известно, дважды войти в одну и ту же воду невозможно. Если в 2008 г. кризис в России хронологически совпал с кризисом в развитых странах, то на сей раз может выйти разительная асимметрия: рецессия в России придется на период, когда в передовых индустриальных странах мира продолжится экономический рост. В таком случае уже бесполезно будет апеллировать к тезису, будто кризис пришел извне и Россия находится в одной лодке с развитыми державами, будучи ввергнута в кризис заодно с ними.

Опасности рецессии для развитых стран в 2012 г. нет. Для России же такая опасность есть, притом куда более серьезная по сравнению с 2008 г.

Что делать? Единственно верное решение заключается в том, чтобы радикально ликвидировать зависимость социально-экономического развития России от нефтедоллара и форсированно переключиться на внутренние, воспроизводственные, неоиндустриальные источники, факторы и движущие силы.

В обновленном варианте Стратегии-2020 нет ни такой установки, ни такого решения. У нашей же страны слишком мало времени, чтобы ждать до 2020 г., играя в заведомо ошибочный и вредный эксперимент, предлагаемый либерально-олигархическими экспертами под флагом

«экономики предложения». Задача ведь в том, чтобы наращивать бюджетные доходы на основе высокотехнологичного роста отечественной экономики, а не сокращать расходы бюджета.

В общем, Стратегия-2020 содержит не то, что надо делать, а то, чего делать категорически нельзя. И потому самое правильное — это отказ от нее ради выработки принципиально иной стратегии, направленной на новую индустриализацию и вертикальную интеграцию отечественного народного хозяйства.

Чтобы разрубить гордиев узел зависимости от нефтедоллара, необходимо заменить экспортно-сырьевую модель *планово-интегрированной системой неоиндустриального воспроизводства*. Обязательной и объективной предпосылкой для этого выступает стратегическая национализация: земли, электроэнергетики, других инфраструктурных монополий, военно-промышленного комплекса и т.д. Известно, что Правительство РФ хотело бы ограничиться существующей бюджетной национализацией экспортно-сырьевой ренты и не трогать отношения собственности. Но эта позиция для прошлого, а не настоящего. Она пришла в противоречие с реалиями и вызовами времени. Россию нельзя больше держать на коротком поводке нефтедоллара, подвергая постоянной опасности кризисной асимметрии, инфляционного и девальвационного шоков.

Чтобы обеспечить новую индустриализацию нашей страны, альтернативы стратегической национализации ради планомерной вертикальной интеграции собственности и промышленного производства нет. Иное дело, если бы можно было организованно провести вертикальную интеграцию собственности, соединив добывающий и обрабатывающий сектора отечественной промышленности напрямую, без национализации стратегических высот экономики.

Однако такой вариант нереалистичен: он мыслим, но нереализуем. Доказать обратное попросту невозможно, да никто и не берется за это.

Время сейчас не на стороне России. Наша страна находится ныне в ситуации обратного отсчета. Промедление с вертикальной интеграцией собственности объективно ведет к национальной катастрофе. И это не сгущение красок, а выверенная оценка, исходящая из научного анализа нынешней ситуации.

Национализация ради вертикальной интеграции – таков единственно верный выход. Иного уже исторически не дано. С точки зрения неоиндустриальной перспективы развития нашей страны другого выбора не осталось.

На базе национализированных высот экономики Россия быстро ликвидирует зависимость от нефтедоллара, восстановит или заново организует вертикально-интегрированную структуру ТЭК, электроэнергетики, институционально соединит добычу сырья с его глубокой и высоко-

технологичной индустриальной переработкой, займется выполнением общегосударственного плана создания автоматизированных рабочих мест в рамках прогрессивного размещения производительных сил, положит конец «черным переделам», снимет центробежные тенденции, установит прямые связи между товаропроизводителями и торговлей, устранил офшорную и посредническую экономику, обеспечит рост бюджета за счет инфраструктурной ренты, а также наукоемкой и неоиндустриальной – типа авиационной и прочих, которые достаются сейчас компрадорскому частному капиталу, конвертируются в доллары и вывозятся за рубеж.

Кроме того, стратегическая национализация явится тем базисом, который позволит в плановом порядке восстановить взаимовыгодное инфраструктурное, валютное, ценовое, налоговое, экономическое и системное единство стран СНГ, синхронизировав их интеграционное движение по пути новой индустриализации.

¹ Consolidated Multilateral Surveillance Report. IMF. September. 2011. P. 1.

² Ibid. P. 3.

³ Ibid. P. 5.

⁴ Berge T.J., Elias E., Jorda O. Future Recession Risks: An Update // FRBSF. Economic Letter. 14 November. 2011. P. 1, 3.

⁵ Рубини Н. В 2012 году рецессия неизбежна // РБК-daily. – 2011. – 20 декабря.

⁶ Там же.

⁷ Стиглиц Дж. Мир на пороге нового хаоса // РБК-daily. – 2011. – 21 декабря.

⁸ World Economic Situation and Prospects 2012. Global economic outlook. UN. New-York, 2011. P. 1.

⁹ Ibid. P. 2, 17.

¹⁰ Ibid. P. 18.

¹¹ Ibid. P. 20.

¹² См.: Губанов С. Воспроизводственная модель циклических кризисов. В кн.: «Капитал» и экономикс: Вопросы методологии, теории, преподавания. Вып. 3 / Под ред. В.Н. Черковца. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009. – С. 183-213.